

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ
И БУДУЩЕЕ
ИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДАТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ ГОРОЖАН В УСЛОВИЯХ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х - НАЧАЛЕ 1980-х гг.
(НА МАТЕРИАЛАХ АНГАРО-ЕНИСЕЙСКОГО РЕГИОНА)**Н. В. Гонина**

Понятие социокультурная идентичность имеет значительную смысловую многомерность и требует пояснения. Воспользуемся определением, данным В. И. Пантиним и И. С. Семененко: «Социокультурная идентичность — это представление человека о себе и своем месте в обществе, тех ценностей и поведенческих моделей, которые формируются на основании отождествления себя с определенным культурным выбором и ролевыми функциями, с социальными институтами и отношениями». Далее авторы указывают, что в условиях модернизации происходит смена идентичности, при этом особую важность имеет органичное совмещение «...императивов модернизации с императивами сохранения основы культурной идентичности, определенной преемственности в культуре» [13].

В рамках данной статьи предпринята попытка показать влияние активного количественного и качественного роста промышленного производства на изменения в социокультурной идентичности горожан. В качестве основного объекта исследования избраны работники высшей и средней квалификации крупных промышленных предприятий (не администраторы). На наш взгляд именно данная группа представляет наибольший интерес с точки зрения цели исследования, так как она наиболее адекватно отражает влияние индустриализации, а также активно участвует в создании новых общностей.

В качестве базового источника информации использованы материалы 30 интервью, проведенных автором в течение зимы – осени 2013 г. в городах Боготол, Братск, Железногорск, Иркутск, Красноярск, Минусинск, Назарово, Усть-Илимск. Информанты разделены на две группы по возрасту — 1910 – 1930-х гг. и 1940 – 1960-х гг. рождения, что позволяет выявить изменения в самоидентифика-

ции.

Также были использованы данные из статистических сборников Красноярского края и Иркутской области, фондов государственных и муниципальных архивов Братска, Иркутска, Красноярска, Минусинска, Усть-Илимска, периодической печати этих городов, опубликованных воспоминаний.

Индустриализация 1950 – 1980-х гг. привела к созданию в регионе большого количества промышленных предприятий и комплексов. Среди населения резко возросло число представителей рабочих профессий. Чем меньше был город (за исключением тех, кого обошла стороной индустриализация, таких как Киренск, Уяр), тем большая часть его жителей трудилась на промышленном производстве и/или транспорте.

Города, как правило, оказывались в зоне влияния одного (малый город) или нескольких (средние и крупные города) производств и соответствующих ведомств. Согласно предложенному Н. С. Хрущевым социальному курсу, продолженному затем в брежневский период, предприятие должно было материально обеспечивать социальную сферу города.

Нужно заметить, что в региональных центрах (Красноярск и Иркутск) крупные предприятия играли важную роль, но они не перекрывали всю социальную сферу. Всегда сохранялись самостоятельные, независимые от промышленного производства (в разной степени) области и учреждения, а соответственно, были иные пути решения вопросов.

В малых и средних городах местная власть обладала меньшими возможностями, а производственная сфера была слабо развита. Поэтому администрация предприятия занимала ведущие позиции в решении социальных вопросов и могла игнорировать проблемы социальной сферы дол-

**ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ
И БУДУЩЕЕ
ИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА**

гое время. Особенно это было характерно для ведомств, привыкших в сталинский период использовать труд заключенных (лесозаготовительные, золотодобывающие), что обусловило низкий уровень развития социальной инфраструктуры в таких городах как Енисейск, Бодайбо, Киренск и др. [7, 12] Наоборот, ведомства, отвечающие за развитие высокотехнологичных отраслей, часто вкладывали в социальную сферу значительные средства. Наилучшее положение было у закрытых городов — Красноярск-26 и Красноярск-45 [15]. Достаточно благополучной была ситуация в Ангарске, Братске, Дивногорске, Норильске, Усть-Илимске [7].

Кроме вложения материальных ресурсов в развитие города, предприятие также должно было создать область заботы о работниках – собственный комплекс учреждений социальной сферы. Сюда относились здравоохранение и образование, транспорт и благоустройство, обеспечение жилищем и детскими учреждениями, питание и отдых трудящихся и их семей. При этом качество услуг часто значительно превосходило аналогичные в учреждениях города. Позднее к ним добавилось распределение дефицитных товаров, в том числе холодильников, стиральных машин и автомобилей. Важную роль играло формирование при предприятии дачных и гаражных кооперативов. Таким образом складывалась ситуация патернализма, что выявляется и в материалах интервью. Например, работники Красмаша, рассказывают о производстве, используя в отношении завода слово «наш», дают позитивную оценку особенностям секретного производства, снабжения продуктами, медицинской помощи. Даже рассказ об авариях и тяжелом характере работы передается с гордостью. В воспоминаниях сотрудников Электрокомплекса в Минусинске название предприятия произносится «с большой буквы», время в их жизни четко разделяется на «до» и «после» работы на заводе, все факты даются в позитивном ключе, особое внимание сосредотачивают на благоустроенных микрорайонах, построенных предприятием, хороших условиях труда и быта. В Братске рассказы о работе «Братскгэсстроя» приобрели характер живой легенды, которая воспроизводится во всех печатных из-

даниях, учреждениях культуры, устных рассказах [10; 11; 15; 16].

Предприятие также становилось хранителем своей истории. Создаются и пополняются музейные фонды. Регулярно проводятся встречи с ветеранами и записываются их воспоминания. Например, музей «Братскгэсстроя», созданный в 1979 г., не имеет равных в нашей стране среди музеев предприятий по объему и разнообразию коллекции.

Таким образом, все сферы деятельности работников оказывались так или иначе связаны с предприятием. Завод становился «вторым домом». Люди, говоря о себе, использовали не топографическое понятие (место проживания), а называли место работы («красмашевцы» и др.). Патернализм государства, характерный для сталинского времени, переходит в патернализм крупного предприятия. С работой на таком производстве связывалось чувство защищенности, стабильности. Это хорошо координировалось с традиционным мировоззрением, но при этом поднимало его на новый уровень — не подчиненность, зависимость — пассивность, а сотрудничество, сопричастность к «большому делу» — активная сознательная деятельность.

Сказанное касается именно крупных производств государственного значения. На малых и средних предприятиях местного уровня социальное обеспечение имело ограниченное финансирование и недостаток возможностей. Здесь была меньшая заработная плата, низкий уровень охраны труда и благоустройства и, соответственно, высокая текучесть кадров. Квалификация работников также была ниже [6].

Отметим еще одну характерную черту. В Норильске и Братске особую роль в памяти людей занимают руководители градообразующих предприятий, которые приобретают легендарный образ — это А. П. Завенягин и И. И. Наймушин. В воспоминаниях подчеркивается их забота о людях — строительство бассейнов, спорткомплексов, домов культуры, жилья, обеспечение высокого уровня благоустройства, решение проблем с детскими учреждениями, простота в общении, личная заинтересованность в решении проблем рабочих и др. [3; 15; 16].

**ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ
И БУДУЩЕЕ
ИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА**

Здесь наблюдается персонификация патерналистского начала. Однако она появлялась только при наличии харизматичного лидера. В остальных случаях конкретная личность руководителя производства могла не играть такой роли. Также отметим, что эта ситуация характерна именно для малых и средних городов с производством союзного уровня. В региональных центрах на первый план выходила партийная элита. Например, жители Красноярска не помнят директоров Красмаша и КраЗа, зато хорошо знают руководителей края — В. И. Долгих и П. С. Федирко и относятся к ним с большим пиететом [10].

Однако, говоря о патернализме, не следует преувеличивать его значение. Более того, его роль снижается в связи с ростом образования, профессионализма, материальной обеспеченности и информированности горожан. Люди стали чувствовать свою ценность и требовать адекватного отношения к своим потребностям. Так, если старшее поколение красноярцев (1910 – 1930-х гг. рождения), как и жители других городов, покорно ожидало льгот и благ от предприятия и радостно принимало их, не сетуя на качество: дали квартиру через 15 лет — «огромное счастье»; нет мебели — «ничего страшного, это не главное»; низкая зарплата — «ничего, зато люди хорошие». Самое замечательное в отдельных интервью у этой группы — люди не помнят цифру своей заработной платы, так как «не придавали этому особого значения» [10].

Молодое поколение (1940-х – 1960-х гг. рождения) уже подходит к вопросу с позиции «мне должны». Оно не связывает себя с конкретным предприятием. Не хочет ждать и требует повышения качества жизни, занимая активную самостоятельную позицию. Так критерием выбора рабочего места все чаще становится квартира и хорошая зарплата (ежемесячный доход и его изменения называют достаточно четко). Больше внимания уделяется самостоятельно приобретенным материальным благам. Отдельные информанты признались, что процесс «доставания» вещей доставлял моральное удовлетворение [10].

Большую роль в жизни человека играл рабо-

чий коллектив, и именно с ним была связана его идентичность. В рабочем коллективе выстраивались определенные социальные отношения и связи, осуществлялось воспитание молодежи, а если надо — то и старшего поколения. Так женсоветы и партячейки могли активно вмешаться в семейные дела, если родители не заботились о детях, если дети прогуливали школу, если члены семьи были замечены в пьянстве и др. Коллектив приходил человеку на помощь в случае тяжелой болезни или других трудностей [4; 6].

Совместно проходили выезды на природу, на картошку, в колхоз. Всем коллективом вступали в гаражные и дачные кооперативы, где места выделялись по соседству. Жили тоже, как правило, рядом — в общежитии, а затем в новом доме. Дети ходили в один садик и школу. Жизнь постоянно «на виду» проходила также, как и в деревенском сообществе. Это формировало постоянную среду взаимодействия, которая воспринималась как естественная [10].

На предприятии создавались также спортивные и творческие коллективы. Так очень популярны были футбол, хоккей, плавание, альпинизм и лыжи. Завод финансировал покупку инвентаря, проведение тренировок и поездку на соревнования. У каждого крупного предприятия была своя команда, например знаменитый красноярский «Енисей» — команда завода Красмаш по хоккею с мячом — был 11-кратным чемпионом СССР и двукратным обладателем Кубка мира [9].

Самодеятельность также финансировалась предприятием, на каждом заводе были танцевальный, хоровой, эстрадный и другие коллективы. Устраивались смотры-конкурсы и концерты, как местного, так и всесоюзного уровня. Заметим, что люди охотно в них участвовали и с удовольствием об этом вспоминают [10].

В коллективе создавались и свои традиции. Например, поднятие флага в Усть-Илимске и на Столбах в Красноярске в честь памятных событий, лыжные и туристические походы, совместное проведение праздников, значимых событий (например, свадьба), капустников, литературных или музыкальных вечеров и многое другое [10].

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА

Естественно, что семейные пары и дружеские компании складывались здесь же. Подросшие дети также вливались в общие ряды. Соответственно, сферы семьи и производства могли накладываться.

Таким образом, творческая или спортивная самореализация, проведение досуга, семья — то есть личная жизнь вне производства, то, что обычно является областью приватного — также оказывались тесно связаны с предприятием и рабочим коллективом. При этом формы и виды коллективной досуговой деятельности позволяют говорить о возросших интеллектуальных и эстетических потребностях.

Человек был неотъемлемой частью коллектива во всех своих действиях и этой принадлежностью определялось его бытие. Недаром значительное количество советских фильмов и литературных произведений данного периода в качестве основной темы выбирали именно проблему взаимоотношения людей в производственном процессе. Однако если раньше (в 1930 – 1940-х гг.) речь шла о «винтиках» системы, то теперь большое внимание уделяется личностным характеристикам — таланту, знаниям, интересам, целеустремленности, трудолюбию, доброте и др. В то же время индивидуальность не должна выделяться чем-либо, что идет вразрез с нуждами производства и коллектива. Например, осуждались приоритет личных интересов перед общественными, стремление к материальному благополучию, противопоставление себя коллективу и др. [1].

С другой стороны именно в рассматриваемый период начинается процесс приватизации частной жизни, который характерен для индустриального города. Начало ему было положено во второй половине 1950-х гг. «санкционированием» партией удовлетворения потребностей населения, а также программой обеспечения индивидуальным жильем каждой семьи. В целом, учитывая, что квартиры большинство населения городов Ангаро-Енисейского региона получило ко второй половине 1960 – начале 1970-х гг. [7], отражение процесса в социокультурной сфере можно наблюдать не ранее этого времени. Оно нашло выражение у молодого поколения в росте самодостаточности и, как след-

ствие, формировании суженного круга общения, включающего близких, друзей и родственников; в сосредоточении на обеспечении семьи материальными благами — мебель, бытовая техника, дача, машина; интимности в отношениях; стремлении к ограждению личного пространства; появлению понятия «время для себя» [10].

Однако эта тенденция получает незначительное развитие и наблюдается преимущественно в региональных центрах. В молодых городах (Ангарск, Братск, Дивногорск и др.) и городах, переживших обновление в связи с размещением в них современных производств (Минусинск) в силу преобладания молодежи и общей маргинальности населения, наоборот, получил распространение коллективизм. В малых городах, удаленных от больших строек сохраняется традиционный образ жизни, близкий сельской местности и соответствующая ему идентичность.

Отношение к труду также являлось важнейшей составляющей идентичности и одной из базовых ценностей советского общества. Недаром труд был включен в моральный кодекс строителя коммунизма, в котором он определяется как «добросовестный труд на благо общества». Труд интерпретировался как сопричастность к великому общему делу созидания, ежедневный подвиг, участие в исторических событиях, проверка себя на прочность и преодоление себя. Часто у молодых он принимал фанатичный характер. Ярким примером может быть строительство зимой в 40-50-градусные морозы без специального снаряжения и практически без техники ЛЭП-220 Иркутск-Братск и ЛЭП-500 от Братска до Усть-Илимска [15; 16].

Там где у молодежи на первый план выходило соревнование (не важно, с природой, с товарищем...), для старших был просто привычный тяжелый рутинный труд, основа выживания в традиционном крестьянском обществе.

В интервью большинство информантов подчеркивают, что самое важное в их жизни (для женщин после семьи и детей) — работа. Все заявили, что работу свою любят, посвящают ей значительную часть своего личного времени. Многие из опрошенных, несмотря на пожилой возраст,

**ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ
И БУДУЩЕЕ
ИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА**

продолжают трудиться (конечно, уже не на основном месте работы) и активно участвовать в общественной жизни. Из всех информантов только двое (1940-х гг. рождения) упомянули о материальном интересе (перешли на другую работу в целях повышения зарплаты), остальные сказали, что зарплата была для них не главным фактором – «на жизнь хватало и ладно» [10].

Что же признавалось значимым в самом рабочем процессе? В индустриальном обществе труд приобретает новые черты. Ценилась работа интересная, творческая, позволяющая постоянно открывать для себя новое, самосовершенствоваться; работа с новой техникой и новыми областями производства (химия, атом, космос, автоматика). Изредка используется понятие «чистая работа», то есть не связанная с физическим трудом. Обычно это говорят женщины [10].

Заводы и предприятия, построенные в регионе во второй половине XX века, были оснащены новыми технологиями и олицетворяли собой движение НТР. Однако теперь работа, в отличие от более раннего периода, предполагала наличие образования и профессиональной подготовки. Нужную квалификацию работникам, в силу недостатка кадров, обеспечивали за счет производства. Все наши информанты стремились получить образование и за редким исключением достигли поставленной цели. Заметим, что в рассматриваемый период образование стало высоко цениться как в плане саморазвития, так и с точки зрения карьеры, что в литературе рассматривается как важный элемент развития индивидуальности, так называемый «я-проект», характерный для индустриального общества [17].

Подъем по служебной лестнице на производстве был возможен только двумя путями – по партийной линии и через образование. Рассмотрим второй путь. Для старшего поколения, обремененного семьей, это было заочное обучение в институте или техникуме, повышение квалификации, различные курсы. Как правило, они ограничивались средним специальным образованием. Для молодых — дневное отделение техникума и/или института, приоритетом пользовалось высшее образование [8].

Среди специалистов среднего звена не менее высоко, чем образование ценилось мастерство, приобретенное с опытом, помноженным на личные качества – талант, наблюдательность, целеустремленность, выдержку и др. Недаром именно в этой группе в рассматриваемый период наблюдался рост изобретательства, преимущественно в области усовершенствования орудий труда и простых механизмов [6].

Происходит расширение идентификационного поля. Оно, как правило, теперь определяется принадлежностью к группе профессионалов — учителей, врачей, инженеров, художников и т.д. Для специалистов высшей квалификации значимым было место получения образования. Существовал неофициальный рейтинг вузов по уровню и качеству подготовки. Так в Ангаро-Енисейском регионе специалистов для промышленных предприятий готовили Иркутский государственный университет (основан в 1918 г.), Иркутский политехнический институт (1920 г.), Сибирский лесотехнический институт (1930 г.), Красноярский политехнический институт (1956 г.) и его филиал ВТУЗ (1960 г.) Институт цветных металлов и золота (1958 г.), Красноярский государственный университет (1969 г.). Их выпускники, оставшиеся в регионе и работавшие на производстве, гордились своим местом учебы, поддерживали связи с однокурсниками в течение всей жизни, решая с их помощью профессиональные и личные вопросы [10].

Таким образом, работа по-прежнему остается в группе базовых ценностей, но меняется отношение к ее качеству и результатам. Большую, можно сказать определяющую роль стала играть личностная самореализация, определенное значение придается и материальному благополучию.

Учитывая недостаток специалистов, который не могли восполнить местные учебные заведения, на предприятиях был большой процент прибывших из других регионов. Одни приезжали по решению партии, комсомола, руководства предприятием, другие — по собственному желанию. Так как миграционный уровень был высоким повсеместно в регионе, мы рассматриваем только тех, кто укоренился, остался здесь навсегда, вошел в местное

**ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ
И БУДУЩЕЕ
ИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА**

сообщество. Среди этих людей значительна доля приезжих из других сибирских городов, но есть и определенная группа выпускников центральных вузов. Часто выходцы из других мест становились важным элементом производственного коллектива, не только благодаря своим знаниям, но и культурному уровню, что способствовало социокультурному взаимобмену, обогащению, расширению кругозора.

Говоря о мигрантах, важно указать и на интернациональную основу формирования коллективов. На сибирские стройки приезжали молодые люди не только со всего СССР, но и из стран Восточной Европы. Часть из них работала и на предприятиях. Особенно этим отличались Усть-Илимск и города БАМа [2].

Интернационализм и мультикультурализм в большей или меньшей степени представленные в рабочем коллективе, оказывали свое воздействие на формирование социокультурной идентичности. Закладывалась основа, характерная для городского индустриального сообщества, отрицающая национальные, религиозные и культурные барьеры.

Взросший интеллектуальный и профессиональный уровень горожан определял и разрастание духовных потребностей. Входили в привычку чтение книг и толстых журналов, выходы в театр и на концерты, тем более что увеличилось число библиотек, книги стали более доступны в розничной продаже, а в города и на стройки Восточной Сибири постоянно приезжали профессиональные коллективы из центра страны. Практиковалось обсуждение книг и спектаклей, интересных статей в газетах и журналах. Развивалась и городская культурная среда — формировались коллективы художников, музыкантов, литераторов, артистов и т.д. [2].

Через существующие структуры человек стремился создавать и развивать свою личность и, естественно, она не укладывалась в заданные параметры. Отсюда — поиск выхода, свободы от ограничений и новых путей, новых идентичностей. Все это создавало основу для неформальных сообществ. Например, в Красноярске получило развитие уникальное направление — столбизм (в основе

— посещение заповедника «Столбы» с целью лазанья по скалам) — сочетающее в себе спорт, общение с природой и близкими по духу людьми, творчество и многое другое. Среди столбистов много представителей интеллигенции и творческих людей. В Ангарске был организован самобытный театр, который вырос до уровня профессионального коллектива. В Братске вокруг библиотеки поэтов-шестидесятников, основанной В. Сербским, сложилось общество самобытных поэтов. В Минусинске на базе Краеведческого музея возникло историко-краеведческое общество.

Как правило, у начала движения стояла неординарная личность (или группа личностей), которая задавала энергию движения и основную идею (А. Яворский и Д. Каратанов в Красноярске, В. Сербский в Братске, В. Ковалев в Минусинске и др.), затем вокруг них их близких, друзей, родственников и присоединившейся к ним молодежи создавалась новая общность.

В исторических городах в создании неформальных сообществ прослеживается тесная связь с культурным наследием. Так столбизм зародился в XIX в., музей в Минусинске также основан в конце XIX в. В новых городах, наоборот, больше всего интересовало запечатление современности.

Таким образом, наряду с производственными и профессиональными объединениями возникали и самобытные сообщества, носящие свободный характер, где человек мог выйти за рамки обыденности и раскрыть свою индивидуальность.

Итак, активное промышленное развитие Ангаро-Енисейском регионе в 1950 – 1980-х гг. привело к созданию новых пространств, форм занятости, социальных отношений и связей, которые, в свою очередь, обусловили формирование новых идентичностей.

В рассмотренной нами группе параметры идентичности задавали (кроме воспитания) образование и профессионализм, динамика которых была обусловлена процессами индустриализации. Именно они, в свою очередь, определяли формат социокультурного развития.

Через существующие структуры человек стремился создавать и развивать свою личность и, есте-

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА

Список источников и литературы

ственно, она не укладывалась в заданные рамки. Отсюда — поиск выхода, свободы от ограничений и новых путей, новых идентичностей. По сути это был поиск новой реальности. Для каждого, в зависимости от личных качеств, уровня образования и интеллектуального развития, воспитания и т.д., путь был свой. Многие (особенно молодые) находили его в великих стройках Восточной Сибири, где все начиналось с нуля, с пустого места, где создавалось новая общность (по крайней мере, об этом мечтали) и было много возможностей для самореализации. Для других такой областью был спорт, как правило, трудный и опасный для жизни — альпинизм, скалолазание. Для третьих такой путь открывался в художественном творчестве — театр, поэзия, живопись. Очень часто они могли сочетаться (например, творчество молодых строителей Братско-Усть-Илимского комплекса). Кроме указанных направлений, не вступающих в конфликт с советской действительностью (хотя и в этих направлениях были столкновения), были пути девиантные по отношению к системе (незаконная коммерческая и финансовая, религиозная, неформальная культурная деятельность и др.), но это — тема отдельных исследований.

В целом можно сказать, что такое многообразие, многоцветие — это не столько влияние XX и XXII съездов, и не только воздействие индустриализации, а отражение более масштабных процессов модернизации в обществе. Важнейшим результатом этого явления стал рост индивидуализации сознания и понимание самоценности личности. Одна из основных черт этого времени поиск путей создания новых идентичностей и их реализация через организацию неформальных сообществ. Интересно и то, что в рамках достаточно короткого периода мы наблюдаем сосуществование идентичностей, характерных для всех трех стадий развития общества — от традиционного к постиндустриальному. При этом элементы традиционного теснейшим образом переплетены с индустриальным, а приметы постиндустриального крайне фрагментарны.

1. Аннинский Л.А. Ядро ореха: Критические очерки. — М: Советский писатель, 1965. — 224 с.
2. Букин С. С., Долголюк А. А., Исаев В. И., Тимошенко А. И. Социокультурная адаптация населения Сибири в условиях урбанизации (1930 – 1980-е гг.) // Опыт решения жилищной проблемы в городах Сибири в XX – начале XXI вв. Сборник научных трудов. — Новосибирск, 2008. — С. 164 – 214
3. Волосов Е.Н. Технократическая элита Ангаро-Енисейского региона в 1964 – 1991 гг.: опыт исторического анализа. — Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010. — 433 с.
4. ГАИО. Ф.р-1933, оп. 7, д. 1446, л. 1а – 47
5. ГАКК. Ф.р-1300, оп.12, д. 339, л.1 – 42
6. ГАКК. Ф.р-1474, оп. 10, д.6, л. 204
7. Гонина Н.В. Жилищный вопрос и пути его решения в городах Ангаро-Енисейского региона в 1954 – 1984 гг. // Науки. Теория и практика. — Познать, 2012. — С. 58 – 62
8. Гонина Н.В. Эволюция образования городского населения Ангаро-Енисейского региона во второй половине 1950-х – начале 1980-х гг. // IX Всероссийский научный симпозиум «Проблемы культуры городов России: теория, методология, историография, исследовательские модели и практики». — Барнаул, 2012. — С. 311 – 315.
9. Енисейский энциклопедический словарь. — Красноярск, 1998. — С. 184.
10. Интервью жителей Братска, Железногорска, Иркутска, Красноярска, Минусинска, Назарово, Усть-Илимска, собранные автором в течение зимы – осени 2013 г. // Личный архив автора.
11. Нам в жизни повезло, не скроем, нам, жизнь связавшим с Братскгэстроом. Сборник стихов и песен. — Братск, 1999.
12. Павлюкевич Р. В. Кадровая политика Красноярского совета народного хозяйства (1957 – 1965 гг.) Режим доступа: <http://izvestia.asu.ru/2012/4-2/hist/TheNewsOfASU-2012-4-2-hist-32.pdf> (дата обращения: 13.11.2013)
13. Пантин В. И., Семенов И. С. Проблемы идентичности и российская модернизация URL: <http://>

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА

spkurdyumov.ru/future (дата обращения: 01.11.2013)

14. Реут Г. А. Закрытые административно-территориальные образования Сибири: социализм за ключей проволокой. — Красноярск : КрасГАУ, 2012. — 349 с.

15. Степанов А. Очерки о времени, товарищах и о себе. — Братск : Полиграф-сервис, 2009. — 139 с. : ил.

16. Человек и его дело (очерки истории Братскгэстроя) / Сост. И. М. Маслеников. В 2-х кн. — М.: Энергоатомнадзор, 1994. Кн. 1. — 335 с. : ил. Кн. 2. — 335 с.

17. Человек в современном индустриальном обществе (обществе модерна) URL: <http://www.bibliotekar.ru/filosofiya/116.htm> (дата обращения: 05.11.2013)